

**Дзюман Е., Целиковский С.Б.,
Котова Т.А., Михайлова О.Ю.**

Модели гендерной делинквентности

В статье рассматриваются особенности гендерного подхода к проблемам юридической психологии. Показано, что разные модели гендерной делинквентности подростков мужского пола связаны с различной структурой гендерной идентичности и специфическими особенностями ее формирования. Авторы полагают, что дефекты гендерной идентичности у несовершеннолетних сексуальных преступников будут несколько иными по сравнению с взрослыми, поскольку их половое самосознание находится только в стадии формирования.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, гендерный разрыв, гендерная делинквентность.

Особый интерес представляет изучение сексуальной преступности несовершеннолетних, которая в последние годы приобретает целый ряд неблагоприятных и весьма тревожных тенденций.

Количество преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных несовершеннолетними, неуклонно возрастает, даже с учетом только данных официальной статистики. Учитывая же высокую латентность этого вида преступности, распространенность такого рода деяний существенно выше, что увеличивает их общественную опасность. Анализ состояния и динамики преступности, указывает на целый ряд негативных тенденций: ее омоложение, рост числа наиболее тяжелых изнасилований, увеличение интенсивности применяемого насилия и цинизма преступников.

Высокая общественная опасность сексуальной преступности несовершеннолетних связана с тем, что их жертвой также становятся несовершеннолетние: либо ровесники, либо дети младшего возраста. Сексуальные преступления в отношении детей и подростков существенно нарушают их духовно-нравственное и психическое развитие, и, в конечном счете, наносят вред интересам общества и государства.

Общественная опасность сексуальных преступлений несовершеннолетних определяется и тем, что они обнаруживают высокую вероятность к повторному их совершению и рецидиву, обнаруживая высокую степень устойчивости. Криминологическая значимость и социальная опасность такой тенденции заключается в том, что каждое новое поколение молодежи пополняется количественно нарастающей группой лиц с выраженным криминальным опытом.

Для объяснения механизмов, как делинквентного, так и криминального поведения, представляется весьма целесообразным исследовать гендерные особенности такого поведения.

Гендерный подход исходно сформировался в социальной психологии. Само понятие «гендер» исходно определяется как основа для различения

характеристик, приписываемых мужскому или женскому началу, а также общих для обоих полов. В широком смысле пол – комплекс телесных, репродуктивных, поведенческих и социальных признаков, определяющих индивида как мужчину или женщину, мальчика или девочку. Пол детерминирован иерархической системой механизмов: от генетических влияний до психологического выбора сексуального партнёра. Многообразие этих механизмов вызывает необходимость различения генетического пола, гонадного (истинного), гормонального, морфологического (соматического), гражданского пола, пола воспитания и психологического пола [2]. Употребляется также понятие «психологический пол» как характеристика личности и поведения человека с точки зрения маскулинности и фемининности. В свою очередь, маскулинность – совокупность признаков, отличающих мужчину от женщины, а «фемининность» – совокупность признаков, отличающих женщину от мужчины. Маскулинность и фемининность – филогенетически заданные свойства психики, формирующиеся под влиянием социальных факторов [2].

В психологии гендер чаще всего интерпретируется как сводная социально-биологическая характеристика, с помощью которой люди определяют друг друга как «мужчин» и «женщин». Однако надо заметить, что вопросы о содержании этого понятия и входящих в него характеристиках до сих пор остаются дискуссионными. Предметом полемики являются также вопросы причинности или каузальности, заключающихся в выяснении соотношения природного и приобретенного в различиях, присущих мужчинам и женщинам [4].

Одной из наиболее распространенных точек зрения является представление о том, понятие «пол» описывает биологические различия, а понятие «гендер» применяется при объяснении социокультурных различий между полами.

Другая точка зрения заключается в том, что причины различий исследователи видят в биологических и в социокультурных факторах, которые не могут быть сведены к какому-либо отдельному причинному основанию. При этом предполагается, что понятие пола скорее применимо к различию между мужчинами и женщинами, а гендера более – к объяснению феноменов маскулинности и фемининности.

Еще один из походов к определению соотношения этих понятий рассматривает гендер – как социально конституированные отношения между субъектами в произвольно установленном ими пространстве определяющих характеристик [4]. Автор полагает, что если биологически пол определяется дихотомией особой мужского и женского рода, то социально и психологически могут существовать не две, а n -ное количество гендерных идентичностей.

Сегодня термины «пол» и «гендер» и соотношение между ними недостаточно четко определены. В силу чего они часто используются как синонимичные, причем выбор авторами того или иного понятия зачастую весьма произволен. В психологической литературе встречаются, например, термины «биологический гендер», «гендерные социальные отношения», «атрибуты гендера» и пр.

В содержательные рамки гендерного подхода в социальной психологии, по мнению Шона Берна, входит и исследование «социальных норм, обуславливающих то, как реагируют на половые различия отдельный человек, группа или целое культурное сообщество» [1, с. 22].

Многомерность этого явления обусловила наличие широкого спектра позиций в отношении данных вопросов. Порой они носят характер радикальной конфронтации, особенно эта касается позиций представителей радикального феминизма.

По мнению Н.П. Фетискина, в наиболее общем плане эволюцию гендерного подхода можно свести к следующим этапам:

- *критика маскулинности психологического знания*. Период исследований, направленных на эмпирическое доказательство маскулинной ориентированности и предубежденности психологических теорий, выражающейся в демонстрации преимуществ мужчин над женщинами, основанной на использовании неадекватных эталонов сравнения;
- *предложение фемининных теоретических альтернатив*. Эмпирическое доказательство преимуществ женщин над мужчинами при использовании иных сравнительных эталонов;
- этап переосмысления накопленных знаний, приведший к осознанию непродуктивности конфронтации и необходимости поиска компромиссных решений. Осознание порочности традиционной сравнительной логики, строящейся по принципу «или – или» и необходимости ее замены на логику «и – и» [10].

Несмотря на недостаточную разработанность, следует признать, что гендерный подход и проводимые в его русле исследования оказали позитивное влияние на процесс переосмысления многих теоретических и методологических представлений в современной социальной психологии. По мнению Бернис Лотт, социальная психология не может оставаться вне гендерной проблематики, т. к. «изучать условия, которые формируют и поддерживают социальное поведение, означает изучать то, как культура выстраивает гендер» [12, с. 506].

Трудно переоценить значение пола и для психологии развития в плане понимания психологических особенностей и характеристик жизненного пути человека. Вопрос соотношения и изменения традиционных ролей и психологических особенностей мужчин и женщин, ранее рассматривавшийся лишь в контекст полового просвещения и семейных отношений, все чаще поднимается в отечественной психологии.

Главным вопросом в контексте гендерной проблематики в юридической психологии является наличие так называемого гендерного разрыва (*gender gap*) (Д. Стеффенмайер, Э. Аллан, 2003). Этот феномен состоит в том, что по сравнению с уровнем правонарушений, совершенных мужчинами, показатели женской преступности (особенно это касается тяжких преступлений) всегда и везде меньше. Причем эта тенденция сохраняется длительное время и не зависит от социальных и культурных условий.

В рамках решения этой проблемы вопросы гендерной специфичности затрагиваются преимущественно в тех случаях, когда речь идет об особенностях

женской преступности. В научной литературе отмечается, что женская делинквентность отличается от мужской не только в количественном отношении, но и по содержанию и форме.

С точки зрения содержания, большинство исследователей (Д. Стеффенсмайер, Э. Аллан, 2003; Н.П. Фетискин, 2007 и др.) отмечают, что делинквентность мужчин носит преимущественно насильственный характер, в то время как женщины чаще совершают имущественные преступления.

Одним из наиболее известных криминологических исследований, посвященных проблемам изнасилований, является пособие, подготовленное Ю.М. Антоняном с соавторами (1990). Авторы рассматривают криминологические подходы к изучению этого феномена. В работе представлена общая характеристика изнасилований, проанализированы особенности личности потерпевших и причины изнасилований. В контексте нашей работы интересным представляется то, что Ю.М. Антонян и соавторы связывают субъективные причины изнасилований непосредственно с особенностями Я-концепции преступника и его самовосприятием. В этом аспекте сексуальное преступление рассматривается ими как попытка субъекта изменить имеющееся (часто неосознаваемое) психотравмирующее представление о самом себе. В других случаях изнасилование может быть формой защиты имеющегося у насильника представления о самом себе. Причем такое поведение часто, по мнению авторов, связано с субъективно унижающим преступника поведением женщины, которое наносит удар по его оценке себя в мужской роли (Ю.М. Антонян и др., 1990). В работе выделены и описаны типы личности насильника и насильственного сексуального поведения: охотящийся, регрессивный, тотально-самоутверждающийся, конформный, импульсивный, аффективный, отвергаемый пассивно-игровой и сценарийный.

Надо сказать, что целый ряд положений авторов вызывает возражения. Так, они рассматривают сексуальное преступное поведение как несоциализированную форму полового поведения (Ю.М. Антонян и др., 1990). С этой точкой зрения трудно согласиться, поскольку и агрессия, и секс являются социальными формами поведения [6] и в силу этого не могут не нести на себе отпечаток культурных, субкультурных и социальных воздействий.

Таким образом, можно полагать, что в рамках изучения сексуально агрессивного криминального поведения необходимо изучение, прежде всего, гендерных аспектов этой проблематики.

В контексте изучения специфики форм проявления гендерной делинквентности, основное внимание специалистов концентрируется на особенностях проявления агрессивности у мужчин и женщин. В этом плане анализ осуществляется по трем основным характеристикам агрессивного поведения: направленности, формам проявления и интенсивности.

Так, например, многие исследователи указывают на то, что убийства (как крайние проявления агрессии) женщины чаще всего совершают в отношении родственников и близких лиц (так называемая внутрисемейная агрессия), в то время как

для мужчин более характерна внесемейная агрессия, совершаемая в отношении посторонних лиц [5, 11].

В научной литературе отмечается также, что для женщин характерными являются скрытые и косвенные формы проявления агрессии [10, 11 и др.].

Исследования гендерных различий в интенсивности проявляемой агрессии указывают на то, что большинство серьезных преступлений являются маскулинными по своей природе [13].

Надо заметить, что в юридической психологии в целом в рамках изучения девиантных и криминальных форм сексуального поведения больший акцент делается на проблемах становления маскулинности, в то время как женские формы такого поведения остаются вне поля зрения исследователей. Напротив, в социологии и социальной психологии большое число публикаций посвящено психосексуальному развитию молодых женщин и девушек [3 и т. д.], а психологические механизмы формирования нормальной маскулинности практически не рассматриваются.

Последние десятилетия ознаменовались оживленной дискуссией о том, применимы ли традиционные криминологические теории к женской преступности, поскольку большая их часть разработана криминологами-мужчинами для объяснения явления мужской преступности. В настоящее время сформировалось три основных точки зрения:

- теории «равенства полов», утверждающие, что факторы, определяющие уровень преступности, более или менее нейтральны с точки зрения пола;
- гендерно-специфические теории, согласно которым гендер является своего рода линзой, фокусирующей силы, действующие на макроуровне различно для мужчин и женщин, т. е. причины преступности являются по сути общими, а способ реализации определяется гендерной принадлежностью;
- гендерные теории преступности, которые утверждают, что глубинные различия между жизнью мужчин и женщин формируют специфические гендерные различия в типах, частоте и контексте криминального поведения представителей обоих полов.

Не останавливаясь специально на критическом анализе этих точек зрения, что, несомненно, представляет самостоятельный научный интерес, отметим, что внимание авторов концентрируется на объяснениях женской преступности. Между тем, как нам представляется, гендерный подход может намного расширить наши знания не только о женской, но и о мужской преступности. Особенно важным такой подход представляется при анализе сексуальной преступности.

Мы полагаем, что разные модели гендерной делинквентности подростков мужского пола связаны с различной структурой гендерной идентичности и специфическими особенностями ее формирования.

Представляется крайне интересным проанализировать особенности сексуальной преступности как наиболее четко очерченной формы гендерной делинквентности мужчин. Проверка этой гипотезы требует, прежде всего, определения основных понятий.

Наиболее операционализированной в отечественной психологии является концепция гендерной идентичности, предложенная Л.Н. Ожиговой (2006). Согласно этой концепции, структурными компонентами гендерной идентичности личности являются гендерные представления (когнитивный компонент), гендерная самооценка (аффективный компонент) и гендерные планы, способы и структуры поведения (конативный компонент), которые репрезентированы и реализуются в трех объективных пространствах гендерной бытийности личности (среда, организм, деятельность) как гендерные стереотипы и эталоны, гендерная телесность, гендерные роли [8].

По мнению Д. Стеффенсмайера и Э. Алан (2003), гендерные различия в характере преступности можно лучше понять, если учесть половые различия, по крайней мере, четырех ключевых элементов:

- организацию гендера (специфические нормы, моральное развитие, социальный контроль, тенденции аффилиации, а также репродуктивные, сексуальные и другие физические особенности);
- доступность криминальной деятельности (сексизм низших классов, различия в доступности приобретения криминальных навыков, вхождения в криминальные группы и попадания в соответствующее окружение);
- мотивацию к совершению преступления (различия в склонности к риску, самоконтролю, оценке выгоды, факторах стресса и ценности отношений);
- контекст правонарушения (конкретные обстоятельства, при которых совершены те или иные преступления – способ осуществления, взаимоотношения преступника и жертвы, использование оружия).

Исследование, проведенное О.Ю. Михайловой (2000) на материале взрослых, осужденных за половые преступления, позволило автору выделить группу преступников, сексуальное агрессивное поведение которых определялось, в первую очередь, особенностями их самосознания. Выявляемые деформации самосознания испытуемых, которые лежат в основе проявления сексуальной агрессии, различаются, как по степени их выраженности, так и по содержанию.

По глубине выраженности было выделено три типа таких нарушений:

- а) дефекты самосознания, обусловленные наличием интраперсональных конфликтов, лежащих во внесексуальной сфере, при сохранности адекватной половой идентичности;
- б) специфические нарушения половой идентичности, концентрирующиеся в сексуальной сфере;
- в) генерализованные нарушения самосознания, исходно обусловленные дефектами половой идентичности.

С содержательной стороны деформация рефлексивного уровня детерминации проявляется как различные варианты конфликта оценок «реального», «идеального» и «нормативного» Я:

- а) расхождением между маскулинной самооценкой и завышенными гипермаскулиными эталонами поведения;

- б) несоответствием фемининной самооценки маскулинным эталонам поведения, как собственным, так и социальным;
- в) несоответствием фемининности самооценки и системы ценностей маскулинным социальным стереотипам поведения;
- г) противоречивостью и/или малодифференцированностью, как самооценки, так и образцов поведения, на которые ориентируется субъект [6].

Гендерный подход в юридической психологии исходит из представления о традиционных половых стереотипах поведения, мужском и женском стиле поведения. Девиантным поведением в рамках данного подхода может считаться гиперролевое поведение и инверсия шаблонов гендерного стиля.

Можно, однако, полагать, что дефекты гендерной идентичности у несовершеннолетних сексуальных преступников будут несколько отличаться, поскольку их половое самосознание находится только в стадии формирования. Подростковый период – период самостандартизации, включения своего «я» в конкретные роли, в силу чего потребность в обретении чувства идентичности настолько остра, что несовершеннолетний может решить эту проблему, став делинквентом.

Литература

1. Берн Ш. Гендерная психология: секреты психологии мужчин и женщин. – М.: Прайм Еврознак, 2004. – 320 с.
2. Большой толковый психологический словарь. Т. 1. – М: Издательство АСТ, 2003. – 592 с.
3. Борисов С.Б. Культурантропология девичества. – Шадринск: Гос. пединститут, 2000. – 88 с.
4. Воронцов Д.В. Социально-психологические характеристики межличностного общения и поведения мужчин с гомосексуальной идентичностью: дис. ... канд. психол. наук. – Ростов на/Д, 1999. – 125 с.
5. Дмитриева Т.Б., Харитоновна Н.К., Иммерман К.Л., Качаева М.А., Королева Е.В., Васянина В.И. Женщины, обвиняемые в убийствах (клиническая и психологическая характеристики) // Агрессия и психическое здоровье / под ред. академика РАМН Т.Б. Дмитриевой и профессора Б.В. Шостаковича. – Спб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – С. 65–93.
6. Михайлова О.Ю. Криминальная сексуальная агрессия: теоретико-методологический подход / под ред. П.Н. Ермакова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2000. – 152 с.
7. Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б. Сексуальная агрессия: норма и патология. – М.: Изд-во «КРЕДО», 2008. – 200 с.
8. Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: дис.... д-ра психол. наук. – Краснодар, 2006. – 431 с.
9. Стеффенсмайер Д., Аллан Э. В поисках моделей: пол, возраст и преступность // Криминология / под ред. Дж.Ф. Шели / пер. с англ. – Глава 4. – СПб: Питер, 2003. – С. 133–182.

10. Фетискин Н.П. Психология гендерной делинквентности. – М.; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 429 с.
11. Crick N.R., Grotpeter J.K. Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment // *Child Development*. – 1995. – Vol. 66. – Is. 3. – P. 710–722.
12. Lott B. Social psychology. P. Humanist roots and feminist future // *Psychology of Women Quarterly*. – 1991. – 15. – P. 505–519.
13. Messerschmidt J.W. *maleaggression Masculinities and Crime: Critique and Reconceptualization of Theory*. – New Jersey: Rowman and Littlefield, 1993. – 256 p.
14. Steffensmeier D. *The Fence: In the Shadow of Two Worlds*. – Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 1986. – 295 p.